

СТАНИСЛАВ ХАТУНЦЕВ

ХРОНИКА ПРИБЛИЖЕНИЯ К МАЛЬСТРИМУ*

Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., РОССПЭН, 2008.

Лев Александрович Тихомиров — фигура оригинальная и даже экстравагантная. Сначала это — “публицистический рупор” пропахшей динамитом “Народной воли”, впоследствии — “кающийся радикал”, крупнейший теоретик монархической государственности, главный соратник и опора П. А. Столыпина в русской прессе. Его дневники и письма богаты самыми различными материалами и являются интереснейшими свидетельствами своего времени.

В этом отношении особенно ценен дневник Л. А. Тихомирова за 1915—1917 гг. — период участия России в Мировой войне, ставшей для неё роковой. Широкому читателю до настоящего времени известен он не был, выборочно печатались только небольшие его фрагменты. Следует отметить, что публикация полного текста данного документа явилась венцом многолетней целенаправленной работы с ним доктора исторических наук, главного специалиста Российского государственного архива социально-политической истории А. В. Репникова.

Страницы “Дневника...” показывают Тихомирова “простым смертным”, со всеми его страхами и болячками. Но прежде всего “Дневник...” любопытен тем, что даёт картину движения России к крутому перелому своей истории, к революции. Движения сначала подспудного и неявного, которое по ходу времени и войны становится всё более недвусмысленным — движения, угаданного умом острым и пронизательным, хотя и окрашенным в густые тона онтологического пессимизма. Поэтому “Дневник...”, без всякого преувеличения, можно назвать “хроникой приближения к Мальстриму”. Во всяком случае, именно такое впечатление складывается в процессе ознакомления с этим историческим документом.

Так, ещё 10 февраля 1915 года, то есть до начала Великого отступления Русской армии, создания “Прогрессивного блока” в Думе и тому подобных событий, указавших вектор дальнейшего внутривнутриполитического движения России, убеждённый монархист Тихомиров пишет: “...видно, не судьба нам иметь с таким правительством ничего, кроме позора, проигрыша всех интересов России — и, вероятно, революций, от которых, конечно, ни на грош пользы не прибавится”. А 31 августа 1915 года автор “Дневника...” отмечает: “Династия не имеет ни одного (годного к управлению империей. — С. Х.) человека. О бедном больном мальчике, Цесаревиче, — ...трудно и говорить”. И задаётся вопросом: “Суждено ли ему даже быть Царём?”

Очень интересны страницы “Дневника...”, касающиеся мало известных неисторикам немецких погромов в Москве 28—29 мая того же года. В этих масштабных акциях профессиональный некогда революционер Л. А. Тихомиров чутко уловил революционные обертоны — даже предположил участие в них

* Морской водоворот у берегов Норвегии.

радикалов, которые, по его мнению, одни могли “двинуть” рабочих, являвшихся “организованной силой” московских событий.

В июле же 1915-го Тихомиров констатирует исчезновение авторитета Царя – не как личности, а как правителя, и пишет, что если во время Смуты, в 1612 году, “тяжкая война привела к воскресению монархии”, то война, начавшаяся 1 августа 1914 года, “по-видимому, ...приведёт к падению Самодержавия”. 9 сентября он выводит: “Что **монархия** погибла – это вне сомнения”, а 5 октября замечает: “Не знаю, чем кончится война, но *после неё* революция кажется совершенно неизбежной. Дело идет быстрыми шагами к тому, что преданными династии останутся только *лично* заинтересованные люди, но эти продажные лица, конечно, сделаются первыми изменниками в случае наступления грозного часа”.

Пишет он о деморализации, о внутреннем разрыхлении, о “распадании” тогдашнего российского общества и его сегментов, в частности – о деморализации “новомобилизованной” Русской армии – армии “военного” набора, солдаты которой порою целыми ротами сдавались в плен неприятелю.

Интересны и весьма нередкие размышления Л. А. Тихомирова о Г. Е. Распутине.

Отметим также часть “Дневника...”, посвящённую воспоминаниям о Петре Николаевиче Дурново (1842/3 –1915) – крупном государственном деятеле самодержавной России, директоре Департамента полиции, товарище (заместителе) министра внутренних дел Д. С. Сипягина, управляющем МВД и министра внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте (то есть во время Первой русской революции), члене Госсовета, сенаторе, которого Тихомиров прекрасно знал лично. Он приводит крайне любопытные сведения, нередко – достаточно пикантного свойства, об этом видном сановнике, характеризующие фигуру П. Н. Дурново с самых разнообразных сторон, – сведения, заметно отличающиеся от тех, которыми оперируют осведомленные историки-профессионалы. Так, Л. М. Искра, касаясь увольнения П. Н. Дурново с поста директора Департамента полиции в 1893 году, пишет: “Заподозрив любовницу в связи с секретарём бразильского посольства, Дурново приказал своему агенту найти улики, и тот нашёл её письма в письменном столе дипломата. Однако разоблаченная дама пожаловалась возлюбленному, а тот – императору Александру II. В итоге Дурново был отстранён от должности и назначен сенатором с сохранением содержания”*. Тихомиров же говорит не о секретаре бразильского посольства, а о бразильском посланнике, то есть дипломате гораздо более высокого ранга, которого Дурново “накрыл” во время визита к вышеупомянутой “даме” и по-молодецки “исколотил”.

Но “славен” П. Н. Дурново отнюдь не этим эпизодом, наполненным “бульварной” романтикой и достойным авантюрных романов, а мастерской борьбой с отечественным радикализмом – и с разгулявшейся революционной стихией 1905–1906 гг. и, ранее, всё с той же “Народной волей”, в связи с чем, кстати, и состоялось знакомство с ним Л. А. Тихомирова. Партии, которые по ходу этих кампаний разыгрывал П. Н. Дурново, достойны гениального шахматиста...

Знатокам же русской общественно-политической мысли известен он обширно запискою-меморандумом, отправленной в феврале 1914 года Николаю II, в которой очень ярко и точно прогнозировались последствия тогда ещё не начавшейся Мировой войны для России с Германией и для монархических режимов обеих стран. Этот документ местами чрезвычайно близко перекликается с рассматриваемым нами дневником Л. А. Тихомирова, однако автор его с “Запиской” Дурново, предназначенной императору конфиденциально, знаком, конечно же, не был.

Упомянем и мемории Тихомирова о прокуроре Московской Синодальной конторы А. А. Нейдгардте и П. А. Столыпине, особенно – в контексте ещё довоенных (1913–1914 гг.) высказываний А. А. Нейдгардта об ожидании им “страшной катастрофы”, в результате которой Россия “рухнет”.

“Дневник...” Л. А. Тихомирова, с его архивную паутину-“патиной”, представляет собой не только исторический интерес. Так, на удивление актуально, как фраза из сегодняшнего интервью, звучат слова, записанные его автором 26 января 1916 года: “Россия меня убивает. Ну каждый день – какая-нибудь чепуха в государственной и общественной жизни. Разнузданная алчность appetites становится всё наглее и своим видом развращает всех. Уже, кажется, лучше бы газеты молчали, а то все привикают к мысли мошенничать

* Искра Л. М. Дурново П. Н. // Русский консерватизм середины XVII – начала XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2010.

и грабить. Из разоблачений не получается ничего, кроме доказательства безнаказанности спекуляций. Расправа судебная — медленная, вялая — не имеет никакого оздоровляющего воздействия. Распоряжения администрации постоянно неудачны, часто глупы”.

Или вот замечание от 27 февраля того же года: “Весь наш верхний класс, дворянский и промышленный — ловкий на всякое хищничество, — лишён идеи, самосознания, идеалов. Энергии нигде нет. Бороться энергично не может ни с кем. При опасности каждый будет спасаться сам, не заботясь о гибели других, а потому все составляют легкую добычу каждого свирепого и энергичного врага. Авторитета не существует. Духовный провален и опозорен, и всё больше падает в глазах народа”. Только замени “дворянский класс” на “класс политический”, и всё окажется поразительно современным! А также: “Всех обуряла одна мысль — *драть* с живого и с мёртвого... Это превращается в какую-то вахханалию, и чем это кончится — представить невозможно”.

Конечно, весьма нередко Тихомиров “пересаливает”, сгущает краски чрезмерно. Настроения его близки к пораженчеству и достаточно типичны как настроения тогдашнего представителя русской интеллигенции. Так, он постоянно пишет о том, что немцы могут занять Москву, тогда как те более двух лет топтались почти что в тысяче вёрст от Первопрестольной и даже в критическом 1918-м, после развала нашей стороны фронта, не добрались и до форпоста её, Смоленска.

Тема будущего занятия Москвы “бронированными” германцами звучит в “Дневнике...” автора “Монархической государственности” едва ли не навязчивым лейтмотивом. Никакие “благие вести” с театра военных действий до него не доходят принципиально: даже победы главкома Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова в крупнейшей за Великую войну наступательной операции Русской армии Тихомирова почти что не радуют, и их он комментирует в весьма скептическом и отрицательном духе. Ещё худшее и явно незаслуженное мнение высказывает автор “Дневника...” о Русской армии и её войнах в XIX — начале XX веков.

Однако в целом Тихомиров скорее объективен, чем субъективен — даже в том, что касается предметов заведомо субъективных. К примеру, он очень точно передает состояние умов и общественного мнения предреволюционной России, России в войне, в том числе всяческие слухи, исходящие из разных, в частности — достаточно высоких кругов. Так, крайне интересно и показательное свидетельство об “общем ожидании” “внутреннего разгрома в форме некоторой пугачевщины”, приведённое Тихомировым. А 16 ноября 1916 года он, говоря о действиях власти, рассуждает на тему: “Идиотство ли это, или — преднамеренная измена?”, повторяя таким образом “формулу-рефрен” знаменитой речи П. Н. Милюкова в Думе: “Что это — глупость или измена”. Но сам Л. А. Тихомиров с этой “зубодробительной” речью познакомился позже.

5 декабря 1916 года автор “Дневника...” оценивает ситуацию, сложившуюся в России, используя такие метафоры: “Мы находимся в положении рыбацкой лодки, попавшей в водоворот Мальштрома: медленное опускание к горлу страшной воронки, которая должна нас поглотить”. 9-го же пронизательно добавляет: “. . . революция созревает и надвигается. Теперь её проводят в жизнь высшие классы и чины, а потом поведут уже на свой лад рабочие и крестьяне”.

9 января 1917-го, за полтора месяца до начала Февральской революции, Тихомиров запишет, что найдена новая прислуга: “Временно... да теперь всё временное”, предвосхищая тем самым целую историческую эпоху, эпоху крушения и слома многовекового государства Российского — опять-таки интуитивно и подсознательно.

И вот — 300-летняя монархия пала. “Мальштром” ослабил и распахнул России объятия. Пока это водоворот “жёлтый”, либеральный, поначалу кажущийся Тихомирову скорее спасительным, чем ведущим к гибели. В его течениях и противотоках творец “Дневника...” за три с лишним месяца до Октябрьского переворота даёт интересную оценку А. Ф. Керенскому, на которого какое-то время надеется, но которому немного позже весьма прозорливо прочит политический крах.

Ведение записей обрывается почти перед самой пастью Мальштрима “красного” — 16 октября 1917 года, что само по себе весьма символично. . .

Нельзя не сказать о комментариях и о примечаниях, составленных всё тем же А. В. Репниковым. Они энциклопедичны по содержанию, очень полны в плане охвата лиц, на страницах “Дневника...” упомянутых, и сообщают рассматриваемому изданию академическую законченность и фундаментальность.